

Григорий Кан (Москва) вносит очередную лепту в изучение «вечной» темы: евреи и русская революция. На сей раз его исследование посвящено Аарону Зунделевичу (1852–1923), видному деятелю народнического движения, члену Исполнительного комитета «Народной воли». Роберта де Джорджи (Удине, Италия) посвятила свое обширное исследование истории переводов и издания «Трех сказок» Льва Толстого, которые тот, по просьбе Шолом-Алейхема, передал ему для публикации в сборнике в пользу евреев, пострадавших от погрома в Кишиневе. История получилась крайне запутанной и увлекательной, она вносит дополнительные штрихи в биографии Л. Н. Толстого и Шолом-Алейхема, так же как в историю литературной жизни и издательского дела начала XX века. Мария Гулакова (Санкт-Петербург) публикует письмо этнографа и общественно-политического деятеля Моисея Кроля (1862–1942), обнаруженное ею в архиве YIVO в Нью-Йорке. Сведения, содержащиеся в письме Кроля (в то время эмигранта в Париже) Хаиму Житловскому от 26 марта 1936 года, проливают свет на малоизвестную попытку организации переселения европейских евреев в 1930-х годах в Эквадор и, соответственно, на историю созданного для этой цели Эквадорского комитета.

Олег Будницкий

Памяти Виктора Кельнера (1945–2021)

Виктор Ефимович Кельнер родился 23 февраля 1945 года в Москве, куда успела эвакуироваться из Ленинграда его мама со старшим сыном. Отец Виктора, кадровый военный, был в это время в действующей армии. По словам Виктора, зачат он был в Тбилиси, куда его мама поехала навестить отца, находившегося в госпитале на излечении после ранения¹. Вот такая типичная — и в то же время особенная — военная история. После окончания войны семья вернулась в Ленинград. Виктор окончил вечернее отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета с перерывом на службу в армии. В феврале 1968 года параллельно с учебой начал работать помощником библиотекаря в фонде земских изданий отдела фондов и обслуживания Публичной библиотеки. Проработал в Публичке без малого 45 лет, «дослужившись» до ведущего научного сотрудника. Работал в секторе рекомендательной библиографии, затем в секторе книговедения, с 2004 года — в отделе редких книг. В университете Виктор специализировался по Новой и Новейшей истории, в частности, по истории Великобритании. В 1977 году защитил в ЛГУ кандидатскую диссертацию на тему «Жизнь

¹ URL: http://www.jewish-family-relics.ru/video_gallery.php?user_id=46&vgal_id=32 (дата обращения: 17.01.2022). См. здесь же видеointервью В. Е. Кельнера, в котором он рассказывает историю своей семьи.

и революционная деятельность Тома Манна (1856–1941)». По библиотечной линии выпустил рекомендательный указатель литературы «Великобритания» (М.: Книга, 1979). Тому Манну, личности весьма неординарной, посвящена его первая монография: «Том Манн — человек и революционер» (М.: Мысль, 1983). Виктор был «человеком книги», постоянно публиковал статьи в книговедческих сборниках — ленинградском/петербургском — «Книжное дело в России в XIX — начале XX века», московском — «Книга. Исследования и материалы». Был автором глав в коллективных монографиях, изданных Публичной библиотекой (зачем-то сменившей славное историческое имя на Российскую национальную библиотеку): «Книга в России, 1861–1881» (1991), «Книга в России, 1895–1917» (2008).

Одновременно с этой видимой профессиональной деятельностью шла другая, не то чтобы запретная, но не поощряемая и не имевшая каких-либо перспектив в плане публикаций — во всяком случае, легальных: изучение истории российских евреев. Благо что Публичка, насколько мне известно, обладает наиболее полным собранием литературы о евреях на русском языке. К тому моменту, когда изучением истории евреев стало возможно заниматься без оглядки на политическую погоду, Виктор был одним из крупнейших знатоков предмета. Мне уже приходилось говорить, что крушение коммунистического режима стало неожиданной удачей для нашего поколения (на этот счет есть и другие мнения) и в особенности для поколения историков. Однако к удаче надо быть готовым. Виктор был готов. Замечу, что его феноменальная эрудиция и готовность помочь коллегам принесли неоценимую пользу немалому числу исследователей — и в советское, и в постсоветское время. Некоторые стали его близкими друзьями. Назову среди них Джона Клиера и Бенджамина Натанса.

Библиотекарь, сотрудник библиотеки ассоциируется, вероятно, у большинства людей с чем-то тихим (ну да, в библиотеке не принято шуметь) и скромным. Не думаю, что это справедливо в целом и уж точно не относится к Виктору. Он обладал поистине взрывным темпераментом. С детства. Его исключали из четы-

рех разных школ. Со временем он остепенился, однако так и не стал «паинькой». Он очень даже «умел» ссориться с людьми и за словом в карман не лез там, где другой бы смолчал или не придал значения. Однажды полез в драку в пригородной электричке, когда какая-то шпана стала приставать к незнакомой девушке. Ему в это время было прилично за 60 и, надо сказать, шпану он обратил в бегство. Добавлю, что Виктор был очень невысокого роста, но, как известно, в таких случаях иногда важнее не антропометрические данные, а решительность.

Возвращаясь к академическим делам. Виктор был ярким представителем петербургской школы, одной из отличительных черт которой является вкус к работе с источниками, их публикации. Впервые я узнал о его существовании благодаря составленному Виктором сборнику документов и воспоминаний «1 марта 1881 года» (Лениздат, 1991), посвященному, понятно, убийству народовольцами императора Александра II. Сборник был составлен очень квалифицированно, снабжен кратким биографическим словарем и перечнем упомянутых в текстах переименованных улиц, площадей и мостов Ленинграда. Год спустя, в июле 1992-го, мы познакомились лично — в Иерусалиме, на двухнедельном семинаре профессора Еврейского университета Мордехая Альтшулера для исследователей из республик бывшего СССР.

Темой семинара была история еврейских общин за пределами черты еврейской оседлости до Второй мировой войны. Лекторы были блистательные: профессора Йонатан Френкель, Серджио Делла Пергола, Израэль Барталь, Эзра Мендельсон (список не исчерпывающий) и, конечно, сам Мордехай. Состав слушателей был довольно пестрым, в значительной степени случайным. Это было самое начало возрождения российской иудаики, и в заброшенный организаторами семинара, во многом вслепую, невод попала самая разная «рыбка». Я был неопитом, и сделанный мною на семинаре доклад был первым в моей жизни по «еврейской проблематике». Да и вообще, это был мой первый выезд за пределы отечества, и сразу — в Иерусалим! Виктор участвовал в семинаре Альтшулера в предыдущем году, но дело было не только —

и не столько — в этом. Он не просто был в теме: иногда мягко поправлял профессоров или что-то добавлял во время дискуссий. Его эрудиция была поразительна. Мы как-то быстро сошлись. Однажды вечером Виктор заявился ко мне в номер с «официальным визитом» с предусмотрительно захваченной из Питера бутылкой водки. Бутылка была опорожнена, исторические и прочие проблемы были обсуждены, и мы перешли на «ты». А может быть, и уже были. В качестве штриха времени: исследователи истории евреев из бывшего СССР были явлением столь экзотическим, что нас принял президент страны. Тогда им был Хаим Герцог. Наше фото с президентом вы найдете в этом томе «Архива».

В 1990-е годы Виктор наконец смог в полной мере заняться своей главной темой. Но не только. Почти каждый год выходят книги: в 1993 году — монография «Человек своего времени: (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция)» (СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки [далее — РНБ]); в 1994-м — «Очерки по историографии евреев в России» (М.: Еврейский университет в Москве, совместно с Р. Ш. Ганелиным). В 1995 году в Санкт-Петербургском институте истории РАН он защитил докторскую диссертацию «Общественно-политическая жизнь в России и издательское дело в 70–80-х гг. XIX в.: (На материалах деятельности М. М. Стасюлевича)». В том же году выходит монументальный (678 страниц) библиографический указатель «Литература о евреях на русском языке, 1890–1947: Книги, брошюры, оттиски статей, органы периодической печати» (СПб.: Академический проект, 1995)², подготовленный Виктором совместно с Дмитрием Эльяшевичем. Это, можно сказать, книга для вечности: монографии или статьи могут устареть, библиография — никогда.

В 1998-м выходит подготовленное Виктором первое научное издание мемуаров С. М. Дубнова, его главного героя — «Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории

моего времени» (СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 661 с.). Он подарил мне этот внушительный том, надписав: «С комментаторским приветом». В 2004-м вышло новое, роскошное издание «Книги жизни» (М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. 795 с.). Объем комментария составил 130 страниц против 48 в предыдущем издании. Так что «комментаторский привет» можно было бы удвоить даже с учетом разницы в формате и шрифте. В промежутке в престижной мемуарной серии издательства «Новое литературное обозрение» вышел составленный Виктором том «Евреи в России: XIX век» (М., 2000. 557 с.). В книгу вошли «Из николаевской эпохи» А. И. Паперны, «Из записок еврея» А. Г. Ковнера и «Дела минувших дней» (т. 1) Г. Б. Слиозберга. Разумеется, том, как положено, сопровождался вступительной статьей («Евреи, которые жили в России»), комментариями и указателями.

В 1990-х годах возможности для занятий иудаикой радикально меняются. Возникают частные учебные заведения, носящие гордые названия университетов, а то и академий. Что важно, начинает выходить первый в постсоветское время научный журнал по иудаике — «Вестник Еврейского университета в Москве» (впоследствии — «Вестник Еврейского университета»). Позднее, в конце 1990-х — начале 2000-х годов, появляются кафедры в «больших» университетах — МГУ и СПбГУ. В 1994 году был учрежден Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». С момента основания и на протяжении многих лет Виктор был членом академического совета «Сэфера». Пожалуй, важнейшей функцией «Сэфера» была организация ежегодных крупных международных конференций — традиционных мест встречи исследователей иудаики. Виктор был неизменным участником почти всех конференций.

Виктор активнейшим образом публиковался в «Вестнике Еврейского университета». С 1992 по 2005 год в 29 вышедших номерах было напечатано 25 его материалов: 10 статей и 15 документальных публикаций! И это не считая статей в различных сборниках. Основная проблематика — история русско-еврейской

² В 2004 году Виктор выпустил дополнение к указателю: «Литература о евреях на русском языке, 1890–1953». СПб.: Европейский дом, 2004.

интеллигенции конца XIX — начала XX веков. Главные герои — Семен Дубнов, Максим Винавер и Владимир Жаботинский. В то же время Виктор — и по долгу службы, и по призванию — продолжал публиковаться в книговедческих изданиях. К этому следует добавить доклады на многочисленных международных конференциях, в том числе на всемирных конгрессах по иудаике в Иерусалиме, конференциях и семинарах по истории еврейской эмиграции в Париже, Нью-Йорке, Франкфурте-на-Одере, Берлине, Бате (Великобритания) и других. Если учесть интенсивную исследовательскую работу в архивах, а наряду с российскими он работал в Центральном архиве истории еврейского народа в Иерусалиме, архиве Института еврейских исследований (ИВО) в Нью-Йорке, то остается лишь изумляться его работоспособности и продуктивности.

Своеобразным синтезом его интересов в области еврейской истории и книговедения стали «Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в.» (СПб.: РНБ, 2003. 240 с.). На подаренном мне экземпляре забавная надпись: «Помни — наше дело хвастаться книжками». Ну да, только сначала их надо написать. В 2008 году выходит *opus magnum* Виктора — научная биография С. М. Дубнова — «Миссионер истории: жизнь и труды Семена Марковича Дубнова» (СПб.: Мирь, 2008. 708 с.). Два года спустя вышел ее перевод на немецкий — «Simon Dubnow: Eine Biografie» (Göttingen: Vandenhoeck Vandenhoeck & Ruprecht, 2010).

С 1999 года Виктор являлся научным сотрудником межфакультетского центра «Петербургская иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге, одновременно он начал преподавать в этом университете. Там у Виктора появились ученики (по большей части ученицы) — магистранты и аспиранты. Кандидатские диссертации под его руководством написали Ольга Минкина, Майя Витенберг, Елена Норкина. Все защитились в Санкт-Петербургском институте российской истории РАН. Специальности «иудаика» в номенклатуре научных специальностей в РФ как не было, так и нет. Все защищались по отечествен-

ной истории. Впрочем, история евреев в России, безусловно, часть отечественной истории. В 2008 году Виктора пригласили перейти на должность профессора кафедры еврейской культуры в Институте философии Санкт-Петербургского государственного университета. Это означало сменить место основной работы, расстаться с библиотекой, в которой он прослужил к тому времени 40 лет. Это было нелегкое решение; в конечном счете выбор в пользу университета был сделан, хотя в библиотеке он проработал по совместительству до 2012 года. В 2016 году Виктор перешел из СПбГУ на должность профессора в Европейский университет, оставаясь одновременно сотрудником «Петербургской иудаики».

Виктора подкосила трагическая гибель жены в августе 2010 года. С Леной была прожита жизнь, она только-только начала оправляться после казавшейся неизлечимой болезни... Он говорил мне, что не хочет жить. Спасало внимание друзей, коллег, учеников. И главное, работа. В предисловии к своей монографии «Щитъ. М. М. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX — начале XX века» (СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 507 с.) Виктор пишет, что идею написать книгу о Винавере ему подали Б. И. Колоницкий и автор этих строк. А на подаренном мне экземпляре книги даже именуется меня «вдохновителем». Не буду отпираться: так оно и было. Постоянно твердил ему: «Если не ты, то кто?» Вот только мотивы у меня были не только — и не столько — научные. Главной задачей было вернуть его к жизни, и в случае Виктора лучшим способом была работа, стремление к большой цели. Конечно, это произошло бы и без посторонней помощи, ибо работа (говоря высоким слогом — творчество) была его способом существования.

Кажется, после защиты докторской диссертации Виктор говорил, что теперь будет заниматься только еврейской историей. Однако «никогда не говори “никогда”». В 2013 году с его предисловием и комментариями выходит альбом «Наши автографы. С искренней благодарностью за любезное внимание... Инскрип-

ты писателей и поэтов на книгах Российской национальной библиотеки» (СПб.: РНБ). В 2014-м — «Очерки по истории издательской деятельности народнических и демократических партий и организаций, 1895–1917 гг.» (СПб.: РНБ. 232 с.).

Виктор с энтузиазмом отнесся к появлению в 2004 году «Архива еврейской истории», издававшегося сначала Международным исследовательским центром российского и восточноевропейского еврейства, а ныне — Еврейским музеем в Москве. Он публиковался на страницах ежегодника чаще, чем кто-либо другой: лишь один из 11-ти томов «Архива» вышел без его материала. В некоторых томах он выступал и как автор, и как публикатор³. Виктор был, несомненно, самым деятельным членом редакционного совета «Архива», его неформальным представителем в Петербурге. Он «привел» в «Архив» немало толковых авторов и публикаторов.

Виктор умел дружить. Всегда был готов помочь. Присылал по почте в ту эпоху, когда сканирование и пересылка файлов по Интернету еще не стали обычным делом, ксерокопии необходимых статей, а то и целых книг. Когда я приезжал в Питер, он всегда встречал (несмотря на протесты) на вокзале, если я был с женой — непременно с цветами. После этого следовал «ритуальный» обед в каком-нибудь ресторанчике. Последний раз «вживую» мы виделись 23 февраля 2020 года в Питере, в день его 75-летнего юбилея. Постоянно перезванивались по скайпу, по делу и просто так, поболтать. Виктор был одним из тех немногих людей, с которыми можно было быть совершенно откровенным, о чем бы ни шла речь. Болтовню он обычно завершал «лозунгом»: «Работаем!» В начале 20-х чисел января 2021 он мне вдруг позвонил не по скайпу, а на мобильный. Было плохо слышно, к тому же я был чем-то занят, сказал, что перезвоню позже. Потом что-то ёкнуло: почему он звонит на мобильный? Перезвонил минут через десять: оказалось, Виктор звонил из ковидной больницы. Сказал, что звонить ему туда нельзя, продиктовал телефон для

³ См.: Указатель содержания «Архива еврейской истории», кн. 1–10 // Архив еврейской истории. Т. 11. М., 2020. С. 364–372.

связи с его бывшей аспиранткой Яной, мониторившей ситуацию и занимавшейся покупкой необходимых для ковидного отделения материалов. Виктор позвонил из больницы еще один раз: его волновало, хватает ли денег: бесплатная медицина обходилась недешево. С деньгами-то проблем не было, но с каждым днем в оптимистические прогнозы верилось все меньше. 23 февраля я отправил ему СМС — поздравлял с 76-м днем рождения. Не думаю, что Виктор прочел сообщение. На следующий день его не стало...

В таких случаях принято писать, что остались книги, ученики... Ну да, ученые и преподаватели имеют в этом отношении некоторое преимущество перед прочими смертными. Но вот только никто больше не напишет: «Старик, как дела?»